

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

январь/февраль 2013

Дмитрий Хворостовский: мифы и реальность

Братья Юровские:
поколение NEXT

Муслим Магомаев:
вне времени

Григорий Соколов:
далее весь мир ...

Максим Дунаевский:
«Поймать волну...»

В НОМЕРЕ

Юрий Григорович:
«ЮБИЛЕИ ВРЕМЯ ОТ ВРЕМЕНИ ПРИЗЫВАЮТ К ОТВЕТУ...» 6
Александра Максов.
«ИВАН ГРОЗНЫЙ»: ПРОТАГОНИСТЫ ИСТОРИИ 7
Ирина Горбунова. ПОКРОВСКИЙ НАВСЕГДА 9

Надежда Кузякова.
ДМИТРИЙ ХВОРОСТОВСКИЙ:
МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ 12

Екатерина Толкачёва. ЯРОСЛАВСКОЕ ПРЕОБРАЖЕНИЕ 18
Евгения Артёмова. СИМВОЛ РУССКОЙ ИСТОРИИ 19
Наталья Кулакова. СМОЛЕНСК: ФЕСТИВАЛЬ ГЛИНКИ 20
Нюдля Харцаева. РУССКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ С ОРКЕСТРОМ 22
Люмила Лаврова. ТРИ КИТА ИСКУССТВА 24
Елена Езерская. ИЗ ВЕКА XXI-ГО 25

Владислав Пьявко.
МУСЛИМ МАГОМАЕВ –
ВНЕ ВРЕМЕНИ
И ПРОСТРАНСТВА 26

Елизавета Дюкина. ВТОРОЙ МАГОМАЕВСКИЙ 28

Людмила Гаврилова.
КРАСНОЯРСК
СОБИРАЕТ
ДРУЗЕЙ 30

Маргарита Неугодова. ОРГАН В ПЕРМИ: «ЗДЕСЬ МОЖНО СЫГРАТЬ ВСЁ» 34
Марина Монахова. НОВЫЙ В ПОДАРОК К ЮБИЛЕЮ 36
Наталья Попович. «САМОЕ СЧАСТЛИВОЕ ВРЕМЯ В МОЕЙ ЖИЗНИ» 40
Елена Езерская. ЛЮБОВЬ ДАНСАНТНО 41

Владимир Ойвин.
БРАТЬЯ ЮРОВСКИЕ: ПОКОЛЕНИЕ NEXT 44
Елизавета Дюкина. «И ПРОСЫПАЕТСЯ ПОЭЗИЯ ВО МНЕ...» 48
Валерий Иванов. ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО МАЭСТРО 50

Виолетта Майнинеце.
ВИСОКОСНЫЙ ГОД
РОССИЙСКОГО БАЛЕТА 52

Елена Езерская. ОН ВЕРНУЛСЯ! 55
Георгий Ковалевский. ЗВЁЗДЫ СТАНОВЯТСЯ БЛИЖЕ 56
«ЗОЛОТОЙ ВЕК» В ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЕ 61

Галина Соловьёва.
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, ПАРИЖ,
ДАЛЕЕ ВЕСЬ МИР... 62

ДМИТРИЙ ХВОРОСТОВСКИЙ – МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

В 2012 году один из самых знаменитых, да что уж там, давайте называть вещи своими именами – вне всякого сомнения, **САМЫЙ** знаменитый из ныне выступающих российских оперных певцов, – Дмитрий Хворостовский, – переступил через пятидесятилетний рубеж. Российские торжества и концерты артиста, связанные с его золотым юбилеем, ещё впереди, и юбилейный год, конечно же, подарит многочисленным поклонникам артиста новые встречи с ним в самых разных ипостасях – на оперных спектаклях, в концертах с музыкой разных жанров, наверняка выйдут в свет новые записи.

Хворостовского смело можно отнести к социо-культурным феноменам нашего времени, его место в современной российской музыкальной культуре намного более значимо, нежели (и не стоит на это обижаться) именитым и заслуженным коллегам Дмитрия Александровича) чьё-либо. Прекрасная Анна Нетребко, может быть, сумела бы составить ему конкуренцию по степени вовлечённости своего образа в общественное сознание, но, к сожалению, выступает в России реже и не имеет (пока?) столь же внушительных сольных проектов для российской аудитории.

Хворостовскому массовая пресса пытается приклеить ярлыки золотого баритона или оперного короля, но то ли золото и королевские звания девальвировались многократными упоминаниями по отношению к поп-звёздам, то ли он сам по себе до такой степени самодостаточная и стоящая абсолютно особняком вещь в себе, что эпитеты разбиваются об эту скалу, делая неважным всё, кроме самого имени ХВОРОСТОВСКИЙ. Что же касается российских музыкальных обозревателей всех мастей, музыкальных и окомомузыкальных блоггеров, а также других засвегдаев музыкальных ресурсов русскоязычного Интернета то, увы, с упорством, достойным лучшего применения, вся эта публика упражняется в распространении всевозможных мифов о Хворостовском. Надо сказать, что он действительно самый «мифологизированный» персонаж на нашем классическом музыкальном Олимпе.

Думается, юбилей Дмитрия Александровича – хороший повод для того, чтобы развенчать эти мифы. Не потому, что это нужно ему или его почитателям, а потому, что мифы эти способны сбить с толку очень многих и упорное нагнетание мнения, что Хворостовский – всего лишь навсегда продукт масс-медиа, способно сослужить скверной службе как тем, кто только открывает для себя мир вокального искусства, так и – это, пожалуй, даже похуже будет, – молодым профессионалам. Значит, неприлично говорить, что мне это нравится, значит, это не есть абсолютно хорошо, значит, это не может быть примером. Думаю, что вот как раз-то и может, потому что Дмитрий Хворостовский, нравится ли это его критикам или нет, как раз ярчайший пример того, что не сам по себе счастливый случай определяет карьеру.

Вероятно, случай может послужить взлёту, но удерживаться на вершине десятилетиями, в условиях жесткой конкуренции, только благодаря слухаю и вниманию масс-медиа, нереально. Кстати, одним из самых распространённых мифов о Хворостовском является тот, что, дескать, он знаменит только в России, а на Западе нет. Это даже не смешно, потому что достаточно взглянуть на расписание российского баритона, плотно свёрстанное на несколько лет вперёд, в котором исключительно первые мировые оперные сцены и концертные залы, потому что самые звёздные классические гала не обходятся без его участия, наконец, достаточно бегло пролистать мировую музыкальную прессу или музыкальные рецензии крупнейших мировых газет (та пресса, которая реально ещё создаёт или уничтожает репутации в мире классической музыки). Да хотя бы почитать отзывы на только недавно осуществлённую трансляцию «Бала-маскарада» из Мет.

Итак, основные мифы.

Миф первый. У Хворостовского небольшой голос. Ну, не Гуэльфи и не Алексей Петрович Иванов. Нестенобитный. Однако, если посмотреть на перечень великих имён, составивших славу мирового вокального искусства, мы не без удивления обнаружим обладателей огромных голосов в абсолютном меньшинстве. В плеяду выдающихся вошли те, кто сумел подчинить голос художественным задачам, те, кто, сделав свой голос гибким вы-

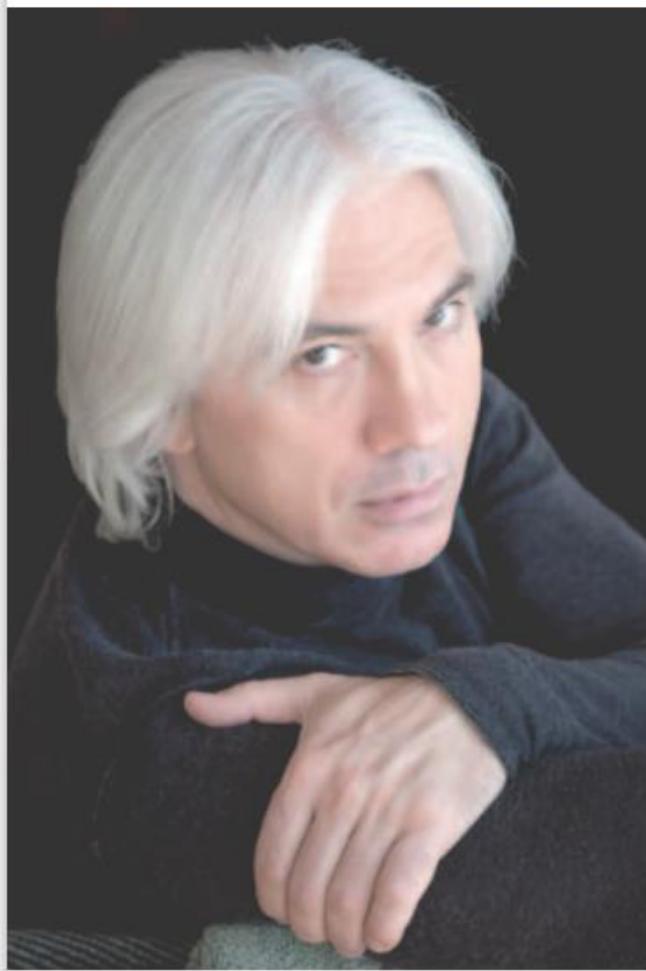

Фото Павла Антонова

разительным инструментом, обладали ещё таким невыразимым качеством, как вокальная харизма и притягательность тембра. Огромным голосом в этом плане приходится гораздо труднее. Хворостовский сумел развить свою природу, и в этом его большое достижение и пример коллегам, сумел развить голос и чисто физически, и музыкально. Его голос не прорезает пространство, а мягко и властно заполняет его, каким бы большим ни был зал и каким плотным оркестр. Это и есть те драгоценные качества, которые называются объёмность и полётность голоса, и которые чудесным образом не зависят от его силы как таковой. А невероятная содержательность звучания, его смысловая наполненность

относились к явным и бесспорным достоинствам Хворостовского ещё на самых первых его шагах, выделяя его из талантливых ровесников удивительной зрелостью интерпретации, несвойственной, как правило, столь молодому человеку.

Не могу забыть своего первого впечатления, когда по радио услышала, как кто-то пел арию Елецкого с редкой красотой кантилены, абсолютной беспредельностью фразы, изысканной вокальной культурой и, самое главное, полностью забирая вот сию же секунду тебя безмерностью своей любви, готовностью свершить беспримерный подвиг и глубоко скрытым отчаянием, терзанием от того, что чужд он и далёк той, к кому обращается... Первой мысли было какая-то совершенно невероятная: «Записи молодого Лисицыана, что ли, крутят»... И тут же возражение самой себе: «Да

нет, тембр не его, да и запись явно современная»... Оказалось, это была передача про конкурс имени Глинки, который только что завершился, и звучали записи лауреатов. Объявили: «Дмитрий Хворостовский», подумалось, откуда же он таковой взялся, выяснилось, что из Красноярска, не Москва и не Питер.

Сейчас уже можно ещё и ещё раз восхититься прозорливости великой Архиповой, ее умению услышать, угадать не просто сам по себе талант – перспективу его развития, и по мере сил способствовать этому развитию.

Миф второй. Хворостовский всем обязан Архиповой, если бы не она, у него не было бы такой блестящей карьеры. На это можно

только напомнить, что старт многим карьерам певцов как и поколения Хворостовского, так и пару поколений до него и пару после, был дан при том или ином прямом участии Ирины Константиновны Архиповой. Занимая официально должность главного вокального консультанта Большого театра, на деле она являлась таковым для всей огромной страны. И будучи бессменным председателем жюри конкурса имени Глинки и в течение многих лет председателем вокального жюри конкурса имени Чайковского, она, как никто, знала новые поколения певцов и жизнь положила на то, чтобы всячески помогать их становлению, задействуя, если необходимо было, для этой цели весь свой немалый по тем временам ресурс. Да, она настояла на том, чтобы именно Дмитрий поехал на конкурс в Кардиффе, с которого началась его европейская и мировая карьера, прекрасно понимая, что он в большей степени отвечает требованиям этого конкурса, нежели иные исполнители, и успех для него более чем реален. Так и случилось. Но в Кардиффе не она за него пела, так же, как и впоследствии не она жёстко выполняла условия его первых западных контрактов. Кстати, неподдельным будет заметить, что примерно в одно время с Хворостовским начали карьеру на Западе многие певцы из России и СССР, и у некоторых форы была даже поболее, чем у Дмитрия – ведущее положение в Большом или Мариинском театрах, либо – было и такое – привилегированный статус «невозвратенца». Его потрясающая способность к саморазвитию и просто феноменальная работоспособность стали основными движущими силами. Он развивал себя как вокалиста и как творческую личность, аккумулируя, переплавляя всё, что мог получить, работая с выдающимися дирижёрами, оркестрами. Он приспособливал свою индивидуальность под жёсткие реалии западного артменеджмента, не ломая её, точно зная пределы, до которых это возможно, с учетом незначительных на первый взгляд мелочей. Пожалуй, именно в поступательном саморазвитии мало кто может сравниться с ним из современных российских певцов. Поэтому столь странным выглядит миф о том, что Хворостовский якобы давно уже стоит на месте. Этого постоянного развития себя как певца и музыканта нельзя не увидеть, если только очень сильно не захотеть. Достигнув его уровня, действительно, можно было бы (это право уже давно заслужено) спокойно удовольствоваться повторением уже сделанного, того, что гарантированно даст успех у самой широкой аудитории. Но тогда не было бы последних программ и записей музыки Танеева, Меттера, песен Листа, не говоря уже об абсолютно новом для самого певца прочтении любимого им Рахманинова и абсолютном открытии летого-перепетого всеми хрестоматийного Чайковского. Интерпретация романсов Чайковского на относительно недавнем концерте в БЗК явила просто откровением, и это не высокие слова. Вообще, то, что Дмитрий делает в содружестве с пианистом Ивари Илья, ещё ждёт своего исследователя. А до этого были потрясающие свириновские циклы – уж никак не медианные в общем понимании проекты, таковыми их сделали Хворостовский.

Ещё один популярный миф – у Хворостовского лирический голос, и он поёт не своей репертуар. Поэтому ему достаточно давно и упорно (и тщетно!) пророчат скорый конец оперной, прежде всего, карьеры. В какой-то степени это отсылает к основному мифу о том, что у Хворостовского небольшой голос, но только отчасти. Кстати, по-моему, само по себе это деление («лирика»–«драма») является ещё одним мифом, теперь уже обще-вокальным, ибо лежит этот водораздел не в голосовых диапазонах и не tessitureах партий (не могу не процитировать также «русско-европейского» баритона Бориса Стаценко, который на недавнем мастер-классе в Москве обратил внимание студентов на то, что Риголетто написан выше Онегина, тем не менее, Онегин считается лирика, Риголетто – драма). Драма – в звуковом посыпе, исполненном безудержной эмоциональной силы. Как уже говорилось выше, масштабность и объёмность голоса Хворостовский развил весьма существенно, выразительность была присуща ему изначально, подвижности он не утерял, и в итоге на сегодня моцартовские круже-

ва и тяжёлая поступь Григория Грязного в этом голосе могут существовать беспрепятственно, певец использует то, что ему в данном конкретном случае будет нужно, рядом с Елецким, Онегиным и Жермоном Риголетто, Бокканегра, Ренато безусловно и несомненно его. Сконцентрировав звук до абсолюта, он наполнит его посыл эмоцией такой силы, которая и выразит предельно ту самую пресловутую драму, не зависящую, как только что выяснилось, ни от диапазона голоса, ни от tessitura партии.

Тут уж нельзя не упомянуть ещё миф – дескать, Хворостовский холоден и безэмоционален. Ну, смотря что понимать под эмоциональностью. Наверно, неслучайно многие пишущие о Хворостовском делают распространённую ошибку, уверяя, что он ученик Ирины Архиповой, хотя Дмитрий не занимался у неё ни в консерваторском классе, ни даже в аспирантуре, что, вероятно, на каком-то этапе и было бы возможно. Он сам говорит, что учился у Ирины Константиновны, слушая её саму и её записи. Вне всякого сомнения, научился очень многому. И прежде всего тому, что эмоция в исполнении никогда не должна нарушать архитектонику формы

Ирина Архипова и Дмитрий Хворостовский
на вокзале в Кардиффе. 1989 г.

произведения, выплескиваться за строгие рамки стиля и хорошего вкуса. Он никогда не принесёт их в жертву аффектированному выбросу страсти, хотя это и путь к лёгкому успеху. Любая краска, интонация, акцент будут у него подчинены той самой строгой архитектонике, идеальному следованию форме, хоть у него и нет архитектурного образования, как у великой Архиповой. Собственно, в этом и есть его «архиповский» в самом высоком понимании слова, стиль, его «архиповская» культура. Любые сравнения, конечно, «хромают», но если использовать какие-то ассоциации, понятные самым широким массам любителей вокального искусства, то в популярных антитезах «Каллас-Тебальди» и «Образцова-Архипова» Дмитрий Хворостовский будет там, где Тебальди и Архипова. Что ж, дай Бог ему такого же творческого долголетия!

Медийный ли персонаж Хворостовский? Вот здесь надо отвечать безусловным «да». И очень хорошо, что это так. Заслуга его

Родители Дмитрия
Людмила Петровна и Александр Степанович.

в том, что он сумел медийность поднять до высоты того жанра, в котором работает, то есть до академического, до высоты классики. Можно сколько угодно иронизировать над его появлением в рекламе, но этот факт свидетельствует только о том, что ОПЕРНЫЙ певец потеснил в медийном пространстве попсовых исполнителей и звёзд сериалов. И заставил миллионы соотечественников не только отыскать и навсегда идентифицировать себя не с абстрактным именем, а с благородством и красотой звучания своего голоса, которые даже в считанные секунды не могут не захватить, но – и вот это никакой не миф и не иллюзия – заставил тех, кто раньше и слова-то такого не слышал, как «оперы», услышать оперное пение. Наверняка, очень многим понравилось. А кто-то и заинтересовался.

Ещё на одном мифе придётся остановиться. Дескать, Хворостовский абсолютно закрыт, интервью даёт неохотно, на контакты

Дмитрий Хворостовский и Ивари Илья.

Фигаро.

не идёт. Судьба его сложилась так, что взлёт был достаточно ранним, и достаточно рано его «настигли» успех, слава и достаток. Неудивительно, что появилось много людей, которым хотелось подчеркнуть свою роль в этом процессе, свою близость герою. От того, что был молод, его упорно продолжали называть «Димой», не желая видеть, что перед ними уже давным-давно Дмитрий Александрович. Кстати, интересно и показательно, как мудрая и чуткая Ирина Архипова в интервью и беседах, особенно последних лет, неизменно предваряла уважительным «Дмитрий Александрович» привычное для неё тёплое и ласковое «Дима». Многие «напиравли», и весьма настойчиво, что, вот, дескать, теперь он всем обязан и должен. «Я вам давно уже не Димка», – вспылил он как-то в одном из интервью, и, можно предположить, резко ограничил общение с прессой. Но настолько же он интересный собеседник, когда разговаривают с ним люди, близкие ему по духу, интересующиеся тем, что его интересует, чем он живёт. И нельзя не сказать о том, насколько на самом деле Хворостовский искренний и благодарный человек, насколько предан дружбе, сложившимся отношениям, насколько помнит добро. Он человек гармоничный и цельный, для которого истинные ценности – понятия родительского дома, ответственности перед семьёй и детьми, благодарности старшему поколению и любви к своей стране – отнюдь не мифы, а самая что ни на есть реальность. Поразительно, как будучи гражданином мира, он остаётся так полно и глубоко связанным с Россией, и связь эта очень естественная и укоренённая.

Ну, а поскольку, говоря о пятидесятилетнем юбилее, слажко совсем уж не упомянуть о благородном металле, с которым эта дата ассоциируется... Дмитрий Хворостовский сегодня действительно достиг золотого сечения – не в буквальном математическом его выражении, а высоком смысле «божественной пропорции», идеального соотношения составляющих, формирующих его сегодняшнюю реальность – творчества и семьи, оперы и концертов, классики и кроссовера, медийности и недоступности личного пространства...

Надежда Кузякова

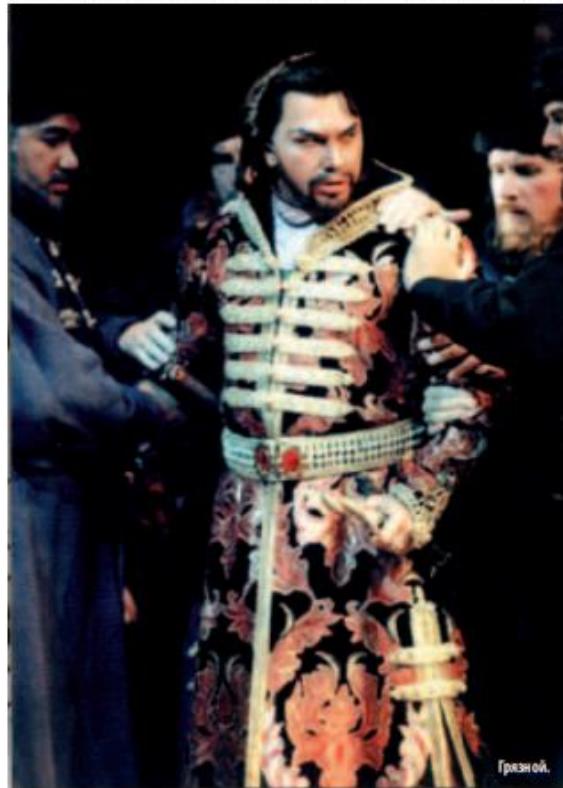
В дополнение о реальности – фрагменты эксклюзивного интервью певца, прозвучавшего в программе радио «Орфей». «Музыкальный журнал» сердечно благодарит своего информационного партнёра – российское радио классической музыки «Орфей» за возможность публикации этого материала.

Об источах. С самых первых дней пребывания на Земле и даже раньше, ещё в утробе матери, я слышал классическую музыку, потому что мои родители были и остаются музыкантами. Не профессионалами, но музыкантами, которые свято чтут классическую музыку и верят в неё. Мой отец – прекрасный пианист, потом он стал брат уроки пения и стал замечательным певцом. Мама пела всегда. А от бабушки я получил уроки настоящего русского фольклора, сказки, русской народной песни и познакомился с популярными песнями тех лет – лет моего детства, и более ранними – времён молодости бабушки.

О корнях. Бабушка много рассказывала мне семейных историй. По бабушкиной линии корни нашей семьи идут из XIX века. В Сибири мой предок появился так называемым «кандалальным» путём – на честь его младшей сестры покусился урядник, и братья, забросав обидчика камнями, убили его, а он взял вину на себя, спасая братьев. Вот и пошёл «кандалальным» путём в Сибирь, и вся семья пошла за ним. Бабушка рассказывала и о гражданской войне, и о Великой Отечественной.

Мой дедушка погиб в одном из первых боёв под Москвой, он был белобилетником, но настоял, чтобы его взяли на фронт.

О начале. Я запел очень рано, в 16-17 лет, тенором, и несколько месяцев прозанимался как тенор у одного из педагогов моего отца, Бориса Ефимовича Шиндера. В музыкальном училище я учился на дирижёрско-хоровом отделении, и в программу входи-

Гразней.

ли занятия сольным пением тоже. И вот попав к Галине Алексеевне Астаниной, я начал очень быстро развиваться, просто очень быстро. К тому времени я ещё «лабал» в рок-группе, и это мне очень помогало чувствовать себя на сцене уверенно. Но когда я стал заниматься серьёзно классическим пением, я превратился в настоящего фанатика, всё забыл вокруг и стал как белая ворона среди своих коллег по рок-группе, и, естественно, очень быстро «вывалился» оттуда.

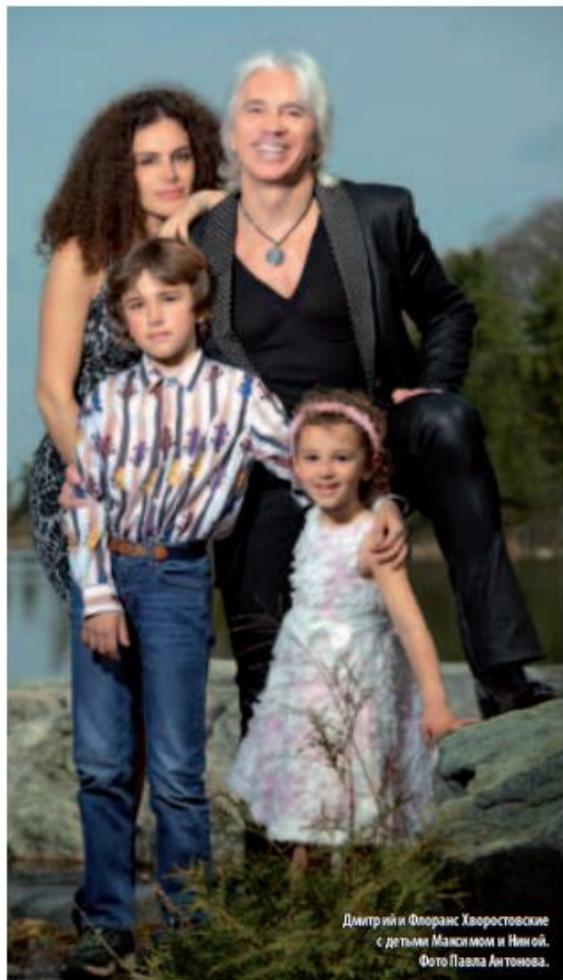
О первых шагах в театре. Ещё студентом я начал петь разный репертуар, не только второстепенные, но и даже первые партии. И был я такая локальная звезда в пределах моего родного города Красноярска. Идумал про себя, что я и Паваротти, и Карузо, и Шаляпин в одном лице! Кстати, этот юношеский максимализм мне очень помогал, держал в настрое. Я и не думал ни о верхних, ни о нижних нотах, о дыхании, о том, что вот надо пропускать звук на «у» и ощущать при этом конец живота. Даже ещё раньше, когда поступал в консерваторию, я об этом не думал, я думал об образе. Я думал, о чём я буду петь, как я открою свою душу, что я скажу, где конкретно, в каком месте сделаю акцент... В театре у меня образовалось абсолютно привилегированное положение, я, юный мальчик, пел вместе с уже убеленными седиными певцами. Они, естественно, считали в порядке вещей учить меня жить. И я слушал это всё и мотал на ус, как говорится. Георгий Мотинов, баритон, с супругой которой Ларисой Марзоевой я пел очень много спектаклей, просто за ручку водил меня по сцене и учил сценическим премудростям, за что я по сей день очень благодарен. Со мной возилось много людей, и воспитывали они меня практически на все случаи жизни. Так что в репертуарном театре я получил очень и очень хорошую школу. Но когда у меня появилась возможность стать свободным художником, я выстрелил, как пуля, и был счастлив. И по сей день остаюсь свободным счастливым человеком.

О состоянии перед выступлением. Многие любят в это время быть наедине с собой, настраиваться сосредоточенно. Я, прежде всего, выхожу в коридор и болтаю обо всём с персоналом, с гримёрами, костюмерами, мы обсуждаем последние сплетни, говорим о международном положении, о чём угодно! Я шучу, я гоготу и получаю заряд положительной энергии, которая мне необходима.

О дуэте с Ивари Илья. Я замечаю всё больше и больше за собой, что я на сцене не только исполнитель, но и ещё и слушатель. Вот с Ивари такое происходит чудо. В последней программе, которая недавно исполнялась в Московской консерватории, у нас были «Сонеты Петrarки» Листа, это настоящий рай для пианиста. И вот пианистический романтизм, эта экспрессия звучит совершенно потрясающим образом в исполнении Ивари Илья. И этому не можешь не отдать должное, не можешь не наслаждаться. Я просто стоял и забывался на сцене, ну, не до такой, конечно, степени, чтобы не вступить вовремя, но эти моменты были истинным откровением. Настолько обогащает, когда с тобой на сцене музенирует настоящий музыкант. Ты сам обогащаешься в сто раз больше.

О программе военных песен. Это была идея Константина Орбеляна. Я сначала отказывался, а потом просто взял и написал на листе бумаги по памяти названия тех песен, которые мы пели с бабушкой. Вот откуда этошло. Исполнение этой программы для меня – это, прежде всего, дань бабушке, моей любимой Марии Николаевне. Всё чувствовалось мной по-настоящему. Это память о моём деде, который погиб на фронте, это память о тех, кто защищал нашу Родину, о людях, которые жили во время войны, это дань моим матери и отцу... И я не мог этого не сделать.

О программе с Игорем Крутym. Мы с Крутым познакомились случайно. До этого я знал, конечно, кто это такой, но даже

Дмитрий и Фиоранс Хворостовские
с детьми Максимом и Никой.
Фото Павла Антонова.

не представлял, какой он удивительный, умнейший и с тонким чувством юмора человек. Он нас просто обаял. И через некоторое время я сам предложил ему: «Слушай, может, ты мне что-нибудь напишешь, давай попробуем». Так и начался наш проект «Дежавю». Что бы Игорь ни писал, он пишет от чистого сердца, по-настоящему. Он прекрасный мелодист, ценит и знает поэзию.

О поддержке физической формы. Бегаю, прыгаю, качаюсь, плаваю, боксом занимаюсь.

О семье. Не знаю, кем бы я хотел, чтобы стали мои дети. Главное, я хотел бы жить подольше, чтобы поставить их на ноги, радоваться их успехам, смотреть за их жизнью и помогать им. Дети вывают на моих выступлениях, им это нравится, им приятно, что мне аплодируют. Хотя я для них, конечно же, прежде всего папа, который приходит домой и начинает с ними дурачиться, бегать, таскать на плечах. Они очень ценят, когда мы все вместе. Моя Флоранс, Флоша, я считаю, потрясающая мать. Мало того, что она беззаветно предана детям, она очень мягко и ненавязчиво даёт им всё же понять, кто я.

Фото любезно предоставлены из личного архива
Дмитрия Хворостовского.